Понедѣльникъ 29 (16) апрѣля 1913 г. *Освобожденіе рабочихъ—дѣло рукъ самихъ рабочихъ.* Цѣна отд. № 25 к.; на станц. 30 к.

РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ

№ 10. ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА. № 10.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА СЪ ДОСТАВКОЙ:
1 мѣсяцъ 1 руб. 50 коп.
3 мѣсяца 3 „ 50 „

Телефонъ секретаря редакціи 3-20-46.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РАЙОННЫХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ РЕДАКЦІИ:
1) Генеральная, 19, Лефортовская Биржа Труда (отъ 10 до 3 ч.).
2) Средняя Прѣсня, М. Предтеченскій пер., домъ 6, кварт. 2 (отъ 5 до 7 ч.).
3) Остоженка, Полуэктовъ пер., домъ 3, кв. 4 (отъ 5 до 7 ч.).

Первое мая.

Дышетъ земля, расцвѣтая,
Въ праздникъ весны и труда,
Празднуя первое мая,
Пѣсней цвѣтутъ города.

Міръ весь отъ края до края
Ярко и буйно зажженъ
Алымъ цвѣтеніемъ мая,—
Пламенемъ красныхъ знаменъ!

Руки тѣснѣе смыкая,
Волей народа пьяны,
Празднуемъ первое мая,
Праздникъ труда и весны!

А. Талинъ.

Праздникъ труда.

— Всѣ дни въ году мы ходимъ подъ вашимъ ярмомъ,—говоритъ пролетарій капиталистамъ перваго мая.—Но вотъ сегодня—нашъ день. Сегодня—безсильны цѣпи, которыми вы насъ сковали. Куда дѣлась вся ваша мощь?

Вы, могущественные цари земли, отнявшіе у васъ свободу и радость жизни, смотрите: забились въ тактъ наши сердца, въ единомъ порывѣ напряглась воля труда, и замерли фабрики, рудники и заводы, остановились станки. Трепещите великой силы объединеннаго рабочаго класса!

Недаромъ буржуазія всюду ненавидитъ первомайскій рабочій праздникъ. Первое мая властно говоритъ паразитамъ: «Помни о смерти! Скоро придетъ время, когда точно такъ же станутъ станки во всемъ мірѣ, для того, чтобы изгнать паразитовъ изъ производства и всей жизни». Первое мая—это символъ грядущей всеобщей стачки—міровой соціальной революціи.

Но въ первомайской забастовкѣ скрытъ еще и другой глубокій смыслъ. Останавливая одновременно производство вопреки волѣ буржуазіи, пролетаріатъ наглядно показываетъ, какую громадную мощь представляетъ собой его согласованное прямое

чтобы самому, безъ посредничества фракцій, безъ заступничества мелко-буржуазныхъ группъ, совершить великое дѣло соціальнаго освобожденія. Дѣйствовать самимъ—вотъ къ чему зоветъ насъ первое мая. Оно—заря новаго періода рабочей революціи—великаго революціоннаго экономическаго движенія пролетаріевъ всѣхъ странъ.

Скорбные дни переживаетъ рабочій классъ. Никогда капиталъ не царилъ во всемъ мірѣ такъ безраздѣльно и нагло, какъ теперь. Хищники-имперіалисты при пособничествѣ измѣнившихъ рабочему классу соціалистическихъ партій всюду убили свободу и хотятъ ее распять на крестѣ въ нашей странѣ. Разорваны въ клочья старыя знамена Интернаціонала. Рабочіе разныхъ національностей, одурманенные военщиной, выдрессированные партійнымъ соціализмомъ, не находятъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы отказаться умирать за дѣло международныхъ разбойниковъ и умереть за свое освобожденіе и за будущее своихъ дѣтей. Но дѣло рабочей революціи все же еще не проиграно, если мы найдемъ достаточно силъ въ себѣ, чтобы отдаться упорной, непрестанной работѣ по

шество—это массовая стачка, которая превратится въ будущемъ въ соціальную революцію? Будемъ же искать новыхъ путей!

Всѣмъ ищущимъ ихъ, всѣмъ страдающимъ за великое дѣло международнаго освобожденія пролетаріата, всѣмъ томящимся въ нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ и прочихъ тюрьмахъ борцамъ за него пошлемъ перваго мая привѣтъ:

— Не унывайте, братья! Нашъ часъ еще придетъ.

Рабочіе союзы и государственная власть.

Профессіональный союзъ ближе всѣхъ другихъ учрежденій стоитъ къ рабочему. Союзъ—это рабочее самоуправленіе. Вся дѣятельность союза протекаетъ на глазахъ массы его членовъ, подъ ихъ непосредственнымъ контролемъ и вліяніемъ. Рабочіе имѣютъ полную возможность каждую минуту смѣнить правленіе союза, если оно пойдетъ по ложной дорогѣ, и выбрать туда новыхъ людей, которые будутъ творить волю рабочей массы. Работники союза въ постоянной связи съ фабрикой, съ повседневной жизнью пролетаріата, съ его радостями и печалями. Они понимаютъ языкъ этой жизни, они живутъ сами ею. Поэтому чрезвычайно рѣдки бываютъ случаи, когда дѣятельность союза идетъ вразрѣзъ съ интересами рабочаго класса.

Всякое государство, даже соціалистическое, роковымъ образомъ превращается въ бюрократію. Чиновники всегда хотятъ стать единственной руководящей силой въ обществѣ, мозгомъ и душой его. Они всегда склонны смотрѣть на простыхъ смертныхъ, какъ на людей, которые должны слушаться, благоговѣть и безпрекословно исполнять предписанія начальства. Государство, правительство—это организація, работающая не въ самыхъ нѣдрахъ жизни, а гдѣ-то далеко. Рядовой рабочій мало знаетъ, какъ и что дѣлаетъ правительство. Контроль за дѣятельностью правительства и чиновниковъ—вещь очень мало доступная рабочему классу. Смѣна чиновниковъ отъ него не зависитъ. Эти бюрократы, какихъ бы убѣжденій они сами ни были, живутъ иной жизнью, чѣмъ рабочіе, у нихъ свои интересы, они очень скоро теряютъ пониманіе рабочихъ нуждъ и рабочаго горя.

Вотъ почему чрезвычайно опасно отдавать свою судьбу въ руки государства, хотя бы и поставленнаго пролетаріатомъ, хотя бы и соціалистическаго. У рабочаго всегда должна быть *своя* защита, *свой* оплотъ отъ всевозможныхъ напастей.

пріятіяхъ рабочіе получили такую власть на фабрикѣ, что свели почти на-нѣтъ капиталистическую эксплоатацію. Во всей же остальной промышленности, особенно мелкой и средней,—капиталъ еще громадная сила, враждебная рабочему классу, готовая каждый моментъ окончательно подчинить его своему господству.

Сможетъ ли правительство дать рабочимъ этихъ предпріятій полную защиту отъ капиталистической эксплоатаціи? Имѣютъ ли право рабочіе возложить всѣ свои надежды на чиновниковъ, а сами отказаться отъ самообороны и наступательной борьбы? Ни въ коемъ случаѣ. Государство, даже благосклонное къ рабочимъ, слишкомъ далеко отъ жизни рабочаго, слишкомъ занято своими партійными и политическими дѣлами, слишкомъ неповоротливо, чтобы дать пролетаріямъ дѣйствительную, постоянную, быструю помощь. А если такъ, у рабочихъ должна быть *своя* организація, спеціально построенная для борьбы съ капиталомъ, готовая въ каждый моментъ дѣйствовать самостоятельно, безъ указокъ—чиновниковъ, безъ помощи городовыхъ. Нуженъ союзъ, сильный сознаніемъ членовъ, ихъ солидарностью, постоянной революціонной энергіей готовый принимать отвѣтственныя рѣшенія, не боящійся рисковать. Такой союзъ долженъ быть совершенно самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не связаннымъ «высшими соображеніями» чиновниковъ и, слѣдовательно, совершенно независимымъ отъ государственной власти.

Сотни тысячъ и милліоны людей работаютъ и служатъ въ предпріятіяхъ, въ которыхъ государство является хозяиномъ.

Можно ли разсчитывать, что чиновники, управляющіе этими предпріятіями, лучше, чѣмъ сами рабочіе, понимаютъ интересы пролетаріевъ, занятыхъ въ нихъ? Вполнѣ ли гарантированы рабочіе государственныхъ заводовъ, рудниковъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д., и т. д., что ихъ ни въ какомъ случаѣ никто не попытается эксплоатировать? Кто по чистой совѣсти дастъ такую гарантію? Не видѣли ли мы массы случаевъ, когда, напримѣръ, кооперативъ такъ прижималъ своихъ служащихъ, что тѣ принуждены были бастовать. Не нанимаютъ ли иногда производительныя артели рабочихъ на худшихъ условіяхъ, чѣмъ работаютъ сами члены? Не извѣстны ли намъ случаи, когда у нѣмецкихъ соціалъ-демократическихъ фабрикантовъ бастовали и проигрывали забастовки соціалъ-демократическіе же рабочіе? Только совершенно наивные люди могутъ утверждать, что рабочему не нужна защита отъ возможной эксплоатаціи со стороны государства. А разъ нужна защита,—никто не сможетъ ее осуществить лучше, чѣмъ сами рабочіе, сорганизовавшіеся въ союзы. Естественно также, что такой союзъ для защиты отъ предпринимателя—

они должны быть не исполнителями предначертаній бюрократовъ, а совершенно самостоятельными, автономными организаціями.

Если правительству, дѣйствительно, дороги интересы рабочаго класса, оно не можетъ не относиться съ уваженіемъ и довѣріемъ къ независимымъ отъ власти рабочимъ организаціямъ. Съ другой стороны, не слѣдуетъ видѣть въ нашемъ требованіи полной самостоятельности рабочихъ союзовъ какое-либо недовѣріе къ политикѣ теперешняго правительства. Это требованіе объясняется не политическими, а гораздо болѣе глубокими соображеніями.

Трудно себѣ представить болѣе позорное явленіе, чѣмъ рабочій союзъ, превратившійся въ канцелярію при какомъ-нибудь департаментѣ.

Боритесь же за независимость союзовъ, товарищи!

М. Соколовъ.

Безпартійная рабочая конференція.

По сообщенію газ. «Впередъ», группой московскихъ рабочихъ, по примѣру Петрограда, создается безпартійная рабочая конференція.

Конференція нашла живой откликъ. Были уже разсмотрѣны вопросы: 1) отношеніе къ совѣтамъ въ связи съ перевыборами; 2) отношеніе къ политическимъ партіямъ; 3) отношеніе къ профессіональнымъ союзамъ; 4) предполагается ли остановка предпріятій или сокращеніе числа рабочихъ; 5) отношеніе къ безпартійной рабочей конференціи, и 6) наблюдается ли антисемитское настроеніе.

Организаціонная работа по конференціи продолжается.

Мы думаемъ, что эта конференція сможетъ сыграть очень крупную роль въ исторіи московскаго рабочаго движенія, но только при томъ условіи, если флагомъ безпартійности не прикроются наши старыя знакомыя—меньшевистская и эсеровская партіи.

Въ противномъ случаѣ, изъ «безпартійной» конференціи ничего не выйдетъ, кромѣ надоѣвшаго всѣмъ призыва къ передачѣ власти эсерамъ Учредительнаго Собранія.

Соціализмъ и трудъ.

Великій русскій писатель Левъ Толстой, задумавшійся надъ вопросомъ: «чѣмъ люди живы?», пришелъ къ заключенію, что люди живы любовью другъ къ другу. Однако, такой отвѣтъ вѣренъ лишь наполови-

Слѣдующій номеръ „Рабочей Жизни“ выйдетъ 13 мая.

стигъ современной стадіи цивилизаціи.

Дѣйствительно, только при помощи труда и неустанныхъ усилій, человѣку удалось преодолѣть неблагопріятныя условія внѣшней природы и возвыситься надъ всѣми своими низшими собратьями. Первобытные люди, борясь за свое существованіе, мало-по-малу научились пользоваться орудіями, добывать при помощи ихъ пищу, строить жилища и облегчать свое передвиженіе.

Но трудъ далъ человѣку не только физическое преимущество надъ остальными животными, онъ также облагородилъ человѣка и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи. При физическомъ трудѣ развивался и развивается и умъ человѣка (вѣдь нѣтъ такой работы, которая не требовала бы участія ума), благодаря этому у человѣка совершенствовались умственныя способности и постепенно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, люди пріобрѣтали и накапливали запасы практическихъ навыковъ и пріемовъ, которые послужили первой основой человѣческаго знанія.

Это первобытное знаніе, въ свою очередь, увеличивало физическія силы человѣка и дало ему возможность не просто слѣпо и безсознательно подчиняться силамъ природы, но бороться съ ними и подчинить ихъ себѣ.

Такимъ образомъ, благодаря труду и знанію, человѣчество шло въ своемъ развитіи отъ одной побѣды надъ природой къ другой, перестраивая по-своему весь міръ.

Къ сожалѣнію, съ теченіемъ времени трудъ и знаніе разъединились и большинство человѣчества было обречено заниматься всю свою жизнь лишь однимъ физическимъ трудомъ, а незначительное меньшинство сдѣлало своей монополіей область умственнаго труда и знанія.

Такое раздѣленіе оказывало и оказываетъ самое гибельное вліяніе на жизнь народовъ, ибо исключительно физическій трудъ, въ особенности непосильный, подрывающій здоровье, не требующій напряженія ума, притупляетъ духовныя силы человѣка и глушитъ въ немъ его умственныя способности. Благодаря этому великая армія трудящихся постепенно лишилась творческой иниціативы и всюду въ исторіи мы наблюдаемъ, какъ меньшинство, овладѣвшее наукой и знаніемъ, подчинило себѣ большинство народа и заставило его работать на себя.

Однако, касты, классы и сословія, привилегіей которыхъ являлась умственная дѣятельность, достигнувъ извѣстной степени могущества, въ большинствѣ случаевъ также вырождались, духовно тупѣли и вымирали, или же уступали свое мѣсто

но и уничтоженіе, или, по крайней мѣрѣ, смягченіе того рѣзкаго раздѣленія труда на физическій и умственный, какое наблюдается въ наше время.

Въ новомъ соціалистическомъ обществѣ трудъ человѣка долженъ стать интегральнымъ, то-есть всестороннимъ и каждому человѣку должна быть предоставлена возможность заниматься и умственнымъ и физическимъ трудомъ.

Но это только одна сторона вопроса, требующая разрѣшенія въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Въ вопросѣ о трудѣ есть еще другая сторона, которая требуетъ немедленнаго разрѣшенія, и соціализмъ, если онъ хочетъ быть живымъ и дѣйственнымъ, долженъ разрѣшить, прежде всего, эту задачу. Задача эта состоитъ въ томъ, чтобы измѣнить современное понятіе о трудѣ и поставить трудъ на принадлежащее ему въ соціальной жизни мѣсто.

Старая мораль, выработанная, преимущественно, правящими классами, смотритъ на трудъ какъ на проклятіе, наложенное Богомъ на человѣка за нарушеніе заповѣди. Такое понятіе о трудѣ раздѣляется и большинствомъ рабочихъ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что при современныхъ условіяхъ жизни, трудъ является, дѣйствительно, проклятіемъ, изнуряющимъ тѣло и душу рабочаго. Но, въ этомъ виноватъ не трудъ самъ по себѣ, а ненормальныя условія, въ которыя онъ поставленъ.

Задачей соціализма и является освобожденіе труда изъ этихъ ненормальныхъ условій.

Трудъ же самъ по себѣ, какъ таковой, составляетъ не только необходимое условіе развитія человѣка, но и главную причину всего культурнаго прогресса. Безъ личнаго труда человѣкъ не можетъ идти впередъ, не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, но неизбѣжно гибнетъ и возвращается на болѣе низшую ступень культуры.

Тѣло, сердце и умъ человѣка требуютъ труда; потому что безъ труда, безъ упражненія, всѣ способности человѣка, всѣ его органы слабѣютъ. Подобно тому, какъ плугъ безъ употребленія быстро ржавѣетъ, поле необработанное покрывается сорными травами, такъ и человѣкъ нетрудящійся рано или поздно умираетъ духовной смертью, ибо только въ движеніи, въ трудѣ и есть жизнь.

Соціализмъ, стремящійся сдѣлать изъ человѣка высоко-развитую личность, и долженъ поставить своей задачей созданіе на развалинахъ стараго міра, (въ которомъ считалось благородствомъ жить ничего не дѣлая), новаго трудового общества, гдѣ каждый долженъ жить не иначе,

...вызываетъ, какую громадную вещь представляетъ собой его согласованное прямое дѣйствіе противъ капиталистическаго міра. Не рѣчи политикановъ, не дипломатія вождей, не партійныя комбинаціи принесутъ освобожденіе труду,—говоритъ намъ первое мая,—а непосредственное усиліе самой массы рабочихъ, массовая рабочая стачка. Если, бастуя перваго мая, пролетаріатъ является хозяиномъ производства, то и вообще онъ обладаетъ достаточной силой,

...емъ достаточно силъ въ себѣ, чтобы отдаться упорной, непрестанной работѣ по возсозданію на новыхъ началахъ рабочей организаціи. Не указываетъ ли на эти новыя начала великій первомайскій праздникъ? Не говоритъ ли онъ намъ о томъ, что рабочіе непобѣдимы, когда они организованы въ единое цѣлое, независимо отъ взглядовъ каждаго отдѣльнаго человѣка? Не означаетъ ли онъ, что наиболѣе успѣшный способъ воздѣйствія рабочихъ на об-

оплотъ отъ всевозможныхъ нападеній. Такимъ оплотомъ можетъ быть только независимый отъ чиновниковъ, самоуправляющійся рабочій союзъ.

Кончалась ли у насъ классовая борьба? Только слѣпые люди могутъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. За немногими исключеніями, рабочаго еще очень сильно жметъ предприниматель. Рабочему всюду приходится быть настороже, ожидая нападенія со стороны капитала. Только въ очень немногихъ крупныхъ пред-

...союзы. Естественно также, что такой союзъ для защиты отъ предпринимателя—государства долженъ быть отъ этого предпринимателя совершенно независимымъ—въ противномъ случаѣ онъ не революціонный классовый союзъ, а «желтая» организація.

Итакъ, и въ Россіи, находящейся подъ властью соціалистическаго правительства, нужны профессіональные союзы. Эти союзы должны представлять собою не подобные органы государственной власти,

...ко, такой отвѣтъ вѣренъ лишь наполовину,—люди живы не только одной любовью другъ къ другу, но, главнымъ образомъ, они живы т р у д о мъ.

Трудъ есть самая главная основа, фундаментъ всей человѣческой жизни и культуры, и безъ него люди черезъ нѣсколько поколѣній сдѣлались бы совершенно дикарями. Ибо только общественно-полезный трудъ является двигателемъ культуры и прогресса и только благодаря труду (физическому и умственному) человѣкъ до-

вымирали, или же уступали свое мѣсто другой болѣе молодой и энергичной группѣ, вышедшей изъ нѣдръ народа.

Уроки исторіи краснорѣчиво говорятъ намъ, что физическій и умственный трудъ безъ взаимной поддержки и товарищескаго сотрудничества не могутъ нормально развиваться и благотворно дѣйствовать на человѣка. Вотъ почему одной изъ главныхъ задачъ соціализма должно быть не только о с в о б о ж д е н і е т р у д а отъ власти и гнета нетрудовыхъ элементовъ общества,

ства, гдѣ каждый долженъ жить не иначе, какъ только своимъ трудомъ, не эксплуатируя своего ближняго.

Для этого соціалисты и всѣ причисляющіе себя къ нимъ должны сами полюбить трудъ и вдохнуть любовь къ труду въ массы. Соціализмъ долженъ призывать людей къ творчеству, къ побѣдѣ надъ мертвой матеріей и надъ силами природы, чтобы заставить эти силы служить на благо человѣчества.

Соціализмъ долженъ сдѣлать трудъ сво-

КРАСНАЯ ВОЛНА.

(Романъ изъ жизни французскихъ синдикалистовъ и революціонеровъ).

Соч. Ропп.

Франсуа Ружмонъ, молодой рабочій-агитаторъ, возвращается послѣ большой поѣздки по провинціи въ родной Парижъ. Въ одномъ изъ предмѣстій города онъ является свидѣтелемъ обвала, похоронившаго трехъ землекоповъ.

Возмущенной группѣ рабочихъ онъ излагаетъ основы соціализма и призываетъ къ сплоченію и борьбѣ.

Въ пріемной семьѣ Кариговъ онъ знакомится съ Христиной Делаинъ, сестрой организатора желтыхъ синдикатовъ.

IV.

На площади передъ казармой происходило ученіе. Молодой сержантъ кричалъ неистовымъ голосомъ:

— На плечо!

И солдатскіе ряды разъ за разомъ повторяли все тотъ же автоматически заученный жестъ.

Возмущеніе кипѣло въ душѣ Ружмона. Оно такъ тѣсно слилось съ его существомъ, что непроизвольно выступало наружу, какъ только въ поле его зрѣнія входила армія. Что-то библейское проявлялось въ этомъ извѣчномъ гнѣвѣ. Въ страстности, съ какой революціонеры обличали армію, даже въ употребляемыхъ ими выраженіяхъ, они были весьма похожи на древнихъ пророковъ, проклинавшихъ Іерусалимъ.

Машинально бормоча про себя проклятія, подобно тому какъ вѣрующій прочелъ бы молитву при видѣ какой-либо святыни міра сего, Франсуа вдругъ услышалъ за спиной нѣсколько возгласовъ возмущенія, произнесенныхъ вполголоса, и, обернувшись, увидѣлъ двухъ рабочихъ въ синихъ блузахъ.

— Ничего, товарищи, наше время еще впереди. Да здравствуетъ всеобщая стачка!

— Да здравствуетъ всеобщая стачка!—откликнулись рабочіе.

Въ жестахъ и взглядахъ, во всемъ обликѣ, въ цѣломъ рядѣ неуловимыхъ признаковъ, каждый изъ нихъ почувствовалъ, что и другой служитъ тому же дѣлу, ведетъ по-своему проповѣдь новой вѣры.

Эта встрѣча вернула пропагандисту хорошее расположеніе духа.

Онъ остановился передъ строящимся зданіемъ. Каменщики, видимо, не спѣшили съ работой. Двое медленнымъ жестомъ помѣшивали известковую массу; другіе подтягивали на блокѣ кирпичи; третьи уставляли гранитныя глыбы по отмѣченнымъ заранѣе нумерамъ. Не было недостатка въ такихъ, которые, опустивъ руки, меланхолично созерцали работу или обмѣнивались мыслями, простота которыхъ была сродни вѣчнымъ истинамъ.

Трое рабочихъ спускались съ постройки, приглашая другъ друга оживленными жестами въ ближайшій кабачокъ.

— Вамъ тамъ не холодно было наверху?—воскликнулъ Ружмонъ съ добродушной усмѣшкой.

— Онъ еще смѣется! Заживо свариться можно. Я такъ вспотѣлъ, что все насквозь промокло. Попробовали бы сами буржуи поработать въ этой банѣ одиннадцать часовъ въ сутки!

— Что? Вы работаете одиннадцать часовъ?—воскликнулъ Ружмонъ.—Чортъ возьми! Что же союзъ?

Рабочіе переглянулись.

— Подожди немного. Скоро мы увидимъ нѣчто новое. Люди уже готовы.

— Я покажу имъ, сколько вѣсятъ наши молотки,—добавилъ другой, грозя кулаками въ пространство.

— Не спѣши, братъ! Не спѣши,—проговорилъ Франсуа весело.—До кулаковъ еще дойдетъ очередь. Теперь же обойдемся безъ этого... Драться мы будемъ въ день окончательнаго расчета. А онъ настанетъ тогда, когда солдаты повернутъ дуло въ другую сторону. Ждать осталось недолго... Всего нѣсколько лѣтъ. Теперь же знамя рабочаго — Всеобщая Конфедерація Труда; пароль—восьмичасовой рабочій день!

Хотя онъ говорилъ вполголоса, но въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ и жестѣ проявлялась такая сила и искренность, что люди уже слѣпо вѣрили въ него. Простыя души каменщиковъ наполнялись гордостью за свое дѣло, и въ общемъ порывѣ они воскликнули въ одинъ голосъ:

— Да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!..

Пожавъ всѣмъ троимъ руки, Франсуа направился дальше—въ типографію Делаборда.

— Настроеніе въ Парижѣ попрежнему превосходно,—пробормоталъ онъ.

Зданіе типографіи съ большими широкими окнами было построено по плану выработанному самимъ владѣльцемъ. На небольшой башенкѣ Делабордъ установилъ часы, мелодичный бой которыхъ каждый часъ пробуждалъ тишину бульвара.

Ружмону пришлось ждать около четверти часа въ комнатѣ съ бѣлеными стѣнами, украшенными многочисленными картинами. Франсуа сталъ разсматривать переплеты. Спустя нѣкоторое время онъ уже составилъ себѣ вполнѣ опредѣленное заключеніе.

— Чортъ возьми,—проговорилъ онъ,—этотъ Делабордъ знаетъ свое дѣло!

Среди его занятій появился мальчикъ, чтобы провести его въ кабинетъ владѣльца. Съ высокой галлереи, по которой они шли, были частично видны мастерскія типографіи и брошюровочнаго отдѣленія, откуда доносился стукъ и грохотъ машинъ.

Изъ-за полураскрытыхъ вѣкъ окинулъ Делабордъ Ружмона внимательнымъ изучающимъ взоромъ. Потомъ спросилъ рѣзкимъ металлическимъ голосомъ:

— Вы, Ружмонъ, вожакъ синдикалистовъ?

— Да,—отвѣтилъ холодно Франсуа,—но къ вамъ я явился въ качествѣ переплетчика.

— Я это знаю,—отозвался Делабордъ, пожимая плечами,—но случайно я о васъ также знаю, какъ о революціонерѣ. Мнѣ это безразлично. Я самъ былъ въ свое время революціонеромъ и носился съ высокими идеями. Такъ что меня это не пугаетъ. Соціализмъ побѣдитъ не теперь и въ моемъ распоряженіи еще достаточно лѣтъ счастливой жизни... Но вотъ чего я не понимаю,—вашего антипатріотизма!.. Задушите буржуазію, если у васъ хватитъ на то силы, но Францію! но Францію, чортъ подери!..

Онъ вскочилъ. Волна крови залила лицо. Ротъ полураскрылся и губы конвульсивно дрожали.

— Будьте покойны,—нѣсколько принужденно отвѣтилъ Ружмонъ,—мы работаемъ на благо Франціи. Не мы ее губимъ.

— Но вы не любите ее?

— Въ военномъ отношеніи—нѣтъ. Я предпочелъ бы жить съ коммунистами Германіи, чѣмъ съ буржуа Франціи. Но въ глубинѣ души я страстно люблю ее и надѣюсь, что она первая подастъ благой примѣръ.

— Все это вздоръ!—воскликнулъ Делабордъ,—на горькомъ опытѣ вы убѣдитесь, что для безотечественниковъ нѣтъ ни соціализма, ни капитализма,—одно лишь право побѣдителя!

— Не надѣйтесь на это,—возразилъ пропагандистъ,—опасность ближе, чѣмъ вы полагаете. Недалеко время, когда солдаты повернутъ ружья противъ офицерства. Вотъ это—реальная угроза.

Делабордъ скептически относился къ печатнымъ выступленіямъ и рѣчамъ на народныхъ собраніяхъ. Во всемъ этомъ онъ видѣлъ лишь неискреннія и невыполнимыя обѣщанія, своего рода политическую рекламу, въ которой за раздутыми образами скрывалась лишь ничтожная крупинка правды. Но здѣсь, лицомъ къ лицу, передъ нимъ стоялъ человѣкъ во плоти и крови, человѣкъ, несомнѣнно, глубоко искренній. И ясные глаза его предсказывали грустныя вещи.

Антонъ Делабордъ вспомнилъ 1870 годъ: долгіе переходы вмѣстѣ съ измученными людьми въ грязи, въ снѣгу, подъ дождемъ. Онъ зналъ ужасы пораженія, позоръ своего народа, презрѣніе и издѣвательство побѣдителя...

Онъ понималъ еще капитуляцію передъ врагомъ по слабости и трусости, но капитуляцію по убѣжденію!..

— Неужели вы совершенно искренни?—проворчалъ онъ. Вены на лбу налились кровью.

— Совершенно!—отозвался Ружмонъ флегматично.

Казалось Делабордъ ударитъ этого человѣка. Но онъ обманывался. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ, кто скорѣе принимаетъ, чѣмъ раздаетъ удары. Внутреннія движенія не выражались у него во внѣшнихъ. Все ограничивалось тѣмъ, что кровь бросалась ему въ голову.

— Чортъ знаетъ, что такое!—произнесъ онъ.

Онъ рѣшилъ было, что не дастъ этому революціонеру ни одного переплета въ обработку. Но и въ этомъ онъ ошибся. Любопытство къ новому явленію, смѣшанное съ опасеніемъ показаться трусливымъ буржуа, побѣдило въ немъ. И онъ сказалъ нѣсколько насмѣшливо:

— Мы вышли за рамки вопроса. Это моя вина. Вы пришли, конечно, не для того чтобы предложить мнѣ участіе въ какомъ-либо революціонномъ предпріятіи?

— Я пришелъ за работой, если таковая есть.

— Для талантливаго человѣка работа всегда найдется. Я видѣлъ ваши прекрасные переплеты...

Разговоръ перешелъ въ другую плоскость, гдѣ обоимъ противникамъ легко было сговориться. Делабордъ былъ артистомъ своего дѣла. И говорилъ онъ о немъ съ заразительнымъ краснорѣчіемъ...

Подъ конецъ доброе настроеніе вернулось къ нему и онъ предложилъ:

— Не угодно ли вамъ осмотрѣть мастерскія. Я создалъ большой и сложный организмъ, которымъ воистину можно гордиться.

— Вы не создали его самостоятельно,—сказалъ Ружмонъ, который вновь очутился въ своей революціонной сферѣ.

— Какъ это,—я не создалъ его самостоятельно?—завопилъ типографъ, привскочивъ отъ негодованія.—Кто же помогалъ мнѣ въ этомъ?

— Ну, кто же иной, если не ваши механики, типографскіе рабочіе, переплетчики, граверы, иллюстраторы.

— Они!—презрительно разсмѣялся Делабордъ.—Они здѣсь совершенно не причемъ. Никто изъ нихъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что значитъ организовать дѣло, тѣмъ болѣе такое сложное, такое своеобразное, равнаго которому нѣтъ во всей Франціи! Ваше утвержденіе просто смѣшно... Нѣтъ, сударь, это дѣло рукъ моихъ,—никого больше! Этотъ сложный и тонкій организмъ рожденъ моею мыслью, моею волей. Отрицать это—равносильно отрицанію того, что тѣло мое образуетъ самостоятельную личность подъ предлогомъ, что для его поддержанія и сохраненія нуженъ воздухъ, свѣтъ, одежда, пища... Вдобавокъ знайте, что трижды я былъ почти банкротомъ. Да, четыреста тысячъ потерялъ я на томъ, что вы называете эксплуатаціей народа. Признаюсь, что я теперь еще не знаю, не иду ли я навстрѣчу банкротству... Оставимъ, однако, это. Идемте въ мастерскія.

Они вновь очутились въ галлереѣ. Вдоль высокихъ стѣнъ были расположены обширные ящики, туго набитые десятками тысячъ разнообразныхъ изданій. Делабордъ указалъ на нихъ съ важностью первосвященника:

— Это мои житницы. А тамъ внизу идетъ посѣвъ и жатва.

Два колоссальныхъ колеса кружились въ глубинѣ залы. Среди нихъ бѣжалъ, извиваясь, безконечный ремень. Другіе ремни меньшаго размѣра мчались, дрожа и колеблясь, къ плоскимъ машинамъ. Въ какомъ-то хаосѣ кружились, падали и вновь взлетали, рвали, дробили, поглощали и выплевывали мелькающія части желѣзныхъ чудовищъ. Лишь постепенно Франсуа сталъ понимать и различать взаимную тѣсную связанность движеній, строгую согласованность различныхъ частей и органовъ этого безконечно сложнаго цѣлаго.

Его вниманіе постепенно перешло съ машинъ на людей. Рыжій великанъ работалъ у обрѣзальной машины; въ извивахъ ремней суетились типографщики. Съ поразительной быстротой и увѣренностью двигался среди желѣзныхъ частей худощавый механикъ въ кожаной курткѣ. Быстрымъ взоромъ окидывалъ онъ машину и кидался на нее, словно на добычу, пуская въ ходъ клещи или отвертку.

— Это вашъ механикъ?—спросилъ Франсуа, заинтересованный его движеніями.

— Да. По имени Марсель Делаинъ. Чрезвычайно дѣльный работникъ. Но и сестра его не меньшаго стоитъ.

Делабордъ указалъ на брошюровочное отдѣленіе. Близъ окна склонилась надъ пачкой листовъ бѣлокурая головка. Точнымъ размѣреннымъ движеніемъ мелькала въ рукахъ иголка, сшивая страницы.

— Дѣльные люди. Сильные, уравновѣшенные, твердо знающіе свою цѣль. Золотыя руки. Эта дѣвушка сможетъ изучить тридцать дѣлъ. И каждое будетъ знать [illegible].

— И, конечно, жадны до денегъ?—спросилъ Ружмонъ.

— Нѣтъ, они вовсе не скряги. Но знаютъ ихъ цѣну и силу.

— Что же, люди съ предпринимательск

бѣднымъ и независимымъ, чтобы каждый человѣкъ могъ свободно и радостно, безъ всякаго принужденія, выполнять великій законъ жизни—законъ труда.

Эту задачу соціалисты не должны откладывать на будущее время, а уже теперь, съ настоящаго момента, должны поставить въ основу своей жизни трудовую мораль, которая рано или поздно должна замѣнить мораль буржуазную. Ибо если мы будемъ культивировать праздность и будемъ добиваться «права на лѣность», то вся соціальная жизнь застынетъ и человѣчество быстрыми шагами пойдетъ назадъ, въ темныя дали первобытныхъ временъ.

Уроки исторіи доказываютъ, что цѣлые народы, начинавшіе жить въ праздности или же перелагавшіе весь трудъ на одну часть населенія, неизбѣжно погибали и вымирали. Всѣмъ извѣстно, что великая Римская имперія, охватывавшая почти всю Европу, значительную часть Африки и Азіи, погибла, главнымъ образомъ, потому, что большинство римскихъ гражданъ отказалось отъ труда и возложили весь трудъ на рабовъ, привозимыхъ изъ колоній. Благодаря этому съ теченіемъ времени римляне сами обратились въ жалкихъ паразитовъ, которыхъ легко покоряли дикіе варвары, ибо, говоря словами Шекспира, «уже въ самомъ грѣхѣ таится казнь».

Новая соціалистическая нравственность, которая замѣнитъ собою современную мораль, должна внести въ міръ справедливость и братство. Если же мы признаемъ, что основой справедливаго общежитія можетъ быть лишь свободное братское сотрудничество, взаимопомощь и трудъ на общую пользу, то изъ этого вытекаетъ естественный выводъ, что позорно и безнравственно праздное наслажденіе. Преступно пользованіе соціальными благами безъ соотвѣтствующаго труда на пользу другихъ. Преступно и безнравственно полученіе отъ общества больше того, что мы заслужили своимъ трудомъ.

Мы, стремящіеся къ созданію новаго строя соціальной справедливости, должны постоянно помнить это и сознавать, что только живя согласно трудовой морали, мы сможемъ достичь этого новаго міра.

Мы должны разъ навсегда отбросить жалкіе софизмы, что построить новое царство труда и братства мы сможемъ, оставаясь людьми стараго міра и подражая въ своей жизни тѣмъ классамъ, съ которыми боремся. Вотъ почему мы думаемъ, что частичныя экспропріаціи, реквизиціи особняковъ богачей, отнятіе имущества у капиталистовъ даже въ пользу революціонныхъ группъ и организацій мало полезны для дѣла соціальной революціи.

Мы даже думаемъ, что такіе акты имѣютъ отрицательное значеніе для дѣла освобожденія рабочаго класса, ибо энергія, затрачиваемая на такіе акты, пропадаетъ безслѣдно и часто даже благодаря такимъ актамъ рѣдѣютъ ряды борцовъ за лучшее будущее, такъ какъ большинство изъ насъ, воспитавшееся въ привычкахъ стараго міра, не можетъ удержаться отъ соблазна легко добытаго богатства и забываетъ тѣ высшія цѣли, ради которыхъ борется соціализмъ.

По нашему мнѣнію, личный примѣръ, горячее слово пропаганды, могутъ принести больше пользы для дѣла освобожденія пролетаріата, чѣмъ захватъ милліона, который можетъ оказать развращающее вліяніе на многихъ товарищей и внести въ рабочую среду раздоры.

Пролетарій-соціалистъ, живущій своимъ трудомъ и посвящающій свой досугъ на самообразованіе, на просвѣщеніе своихъ товарищей и на созданіе рабочихъ организацій, есть лучшій борецъ противъ современнаго строя и лучшій и болѣе надежный строитель грядущаго царства труда и справедливости.

Будемъ же стремиться стать такими борцами новаго міра и будемъ помнить, что только трудъ и знаніе могутъ приве-

Въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ.

Началась работа новаго состава московскаго совѣта. Открытіе сдѣлалъ т. Ленинъ. Хотѣлось бы поставить передъ т.т. рабочими вопросъ:

— Не слишкомъ ли большую роль въ нашихъ организаціяхъ играютъ партійныя знаменитости?

Не получается ли все та же старая исторія, что полвѣка тянулась на Западѣ:

Съѣздъ рабочей партіи—говорятъ Бебель, Каутскій, Легинъ.

Съѣздъ профессіональныхъ союзовъ,—рѣчи Легина, Каутскаго, Бебеля.

Международный соціалистическій съѣздъ—выступаютъ Каутскій, Легинъ, Бебель.

Конечно, пріятно часто слышать партійныхъ генераловъ. Но не правы ли были нѣмецкіе рабочіе, когда протестовали, говоря, что нигдѣ, никогда не слышно голоса настоящаго, отъ станка пришедшаго пролетарія?

Въ теоріи мы устраиваемъ съѣзды, совѣты и т. д., для того чтобы заявить волю рабочаго класса, обсудить среди лучшихъ, тѣсно связанныхъ съ народной жизнью товарищей свои нужды, выработать свою линію поведенія, учтя весь опытъ, все знаніе жизни пришедшихъ отъ станковъ, изъ организацій товарищей.

А на практикѣ мы слушаемъ рѣчи знаменитостей и голосуемъ за написанныя заранѣе резолюціи.

Хорошо это или плохо—дѣло вкуса.

Нужно только отдать себѣ отчетъ въ томъ, что это не самоуправленіе народа, а обработка его и управленіе имъ сверху.

Дѣло, конечно, здѣсь не въ томъ, что именно т. Ленинъ теперь наверху. Такая же обработка происходила бы, если бы на его мѣстѣ стоялъ и Мартовъ или Черновъ, и всякій другой.

Дѣло не въ людяхъ и не въ партіяхъ.

Мы бы рѣшительно предпочли, если бы въ нашихъ совѣтахъ выступали исключительно рабочіе, непосредственно связанные съ дѣйствительной жизнью, съ фабрикой, съ союзами.

Они говорили бы, можетъ быть, неучено, нескладно, но это была бы настоящая жизнь, истинный голосъ народа.

Мы увѣрены, что услышали бы простой разсказъ о томъ, какъ живетъ, страдаетъ и на что надѣется настоящій рабочій. И эти простыя рѣчи, по нашему мнѣнію, были бы гораздо болѣе цѣнными для тѣхъ, кто хочетъ строить новую жизнь не путемъ декретовъ и предписаній изъ тысячи комиссаріатовъ, а на началахъ свободной самодѣятельности трудящихся.

Не довольно ли обрабатывали народъ? Не пора ли дать ему самому говорить и дѣйствовать?

Къ безпартійнымъ членамъ Сов. Раб. Деп.

Товарищи! Быть безпартійнымъ въ дни ожесточенной борьбы партій, когда всякій «кто не съ нами, тотъ противъ насъ»,—это одно уже говоритъ о болѣе высокомъ, чѣмъ обычное, общественномъ сознаніи.

Не принадлежать ни къ одной изъ партій, когда партійный ярлыкъ даетъ вліяніе и власть, когда безпартійность считается свидѣтельствомъ о неблагонадежности,—значитъ заслуженно требовать къ себѣ уваженія.

Но безпартійность налагаетъ высокія обязательства.

Безпартійному нужно видѣть самому, потому, что онъ лишенъ партійныхъ очковъ. Безпартійному нужно слышать самому голосъ подлинной жизни, ибо онъ не можетъ слушать только рѣчи партійныхъ вожаковъ и топотъ плетущагося за ними партійнаго стада. Безпартійному нужно думать самому, потому что у него нѣтъ

— Что дѣлать?—спрашиваютъ многіе изъ безпартійныхъ членовъ совѣта р. д.

— Слушайте голоса жизни, товарищи! Вспомните о томъ настроеніи, которое царитъ у рабочихъ на мѣстахъ.

Безработица, развалъ производства, голодъ—вотъ три величайшихъ язвы современности. Всю работу Совѣта нужно направить на нихъ. Отъ политики къ экономикѣ, отъ болтовни къ дѣловой работѣ по организаціи хозяйства, вотъ путь, на который зоветъ васъ жизнь. Кричите, бейте въ набатъ, зовите всѣхъ не потерявшихъ разума и совѣсти бросить политиканство и всю силу совѣтовъ направить на экономическую организацію. Это ваша первая задача.

Безмѣрно сложна и трудна эта предстоящая работа, а силъ у насъ немного. Нужно экономить эти силы, нужно использовать ихъ всѣ и наилучшимъ образомъ. Мы погибнемъ, если не сумѣемъ сконцентрировать на экономической работѣ всѣхъ подходящихъ людей. А для этого нужно одно—покончить разъ навсегда съ партійными распрями, съ грызней, съ роковымъ расколомъ рабочаго класса и его учрежденій на фракціонныя и потому безсильныя ячейки. Работайте надъ созданіемъ единства рабочаго класса, боритесь съ расколомъ, зовите къ терпимости во мнѣніяхъ и общему дружному дѣйствію. Это ваша вторая задача.

Нашъ новый общественный строй въ самомъ существѣ своемъ таитъ источникъ своей гибели и разложенія: у насъ растетъ бюрократія въ центрахъ. Эти центры стремятся захватить въ свои руки всю живую работу пролетарскихъ учрежденій, подчинить ее своимъ директивамъ, замысламъ вождей, недомыслію исполнителей партійныхъ предначертаній. А въ низахъ гаснетъ иниціатива, опускаются руки. Профессіональные союзы, рабочіе кооперативы, просвѣтительныя организаціи томятся и ждутъ своей гибели, потому, что центры стѣсняютъ ихъ ростъ и самодѣятельность. Станьте, безпартійные товарищи, на стражѣ рабочаго самоуправленія и рабочей самодѣятельности! Требуйте довѣрія и уваженія къ рабочимъ организаціямъ. Защищайте ихъ независимость отъ бюрократіи и ихъ автономію отъ государственной власти. Будите иниціативу на мѣстахъ и всемѣрно боритесь противъ ея стѣсненія. Это ваша третья задача.

Отъ политики къ экономикѣ, отъ партійной жизни къ классовому единству пролетаріата, отъ бюрократической централизаціи къ самодѣятельности автономныхъ рабочихъ союзовъ—вотъ линія вашего дѣйствія, властно диктуемая современностью.

Не создавайте новой фракціи. Предоставляя отдѣльнымъ товарищамъ полную свободу дѣйствія по всѣмъ другимъ вопросамъ, стремитесь объединить на приведенной платформѣ всѣхъ мыслящихъ и честныхъ товарищей къ какой бы фракціи они ни принадлежали.

На этомъ пути вы будете непобѣдимы, потому что за васъ будетъ сама жизнь съ ея неумолимыми требованіями.

Къ дѣлу же, товарищи!

Н. Миличъ.

Конференція необходима!

Письмо тов. Вальдена въ № 8 «Рабочей Жизни» крайне своевременно. Дѣйствительно, намъ синдикалистамъ, надо сорганизоваться. Рабочіе уже испробовали всѣхъ: правыхъ эсъ-эровъ, съ ихъ новой самарской,—корниловской теоріей террора

образнымъ пониманіемъ аграрнаго вопроса, въ силу котораго они на Украинѣ отнимаютъ землю у деревенской бѣдноты въ пользу крупной сельской буржуазіи; и коммунистовъ, съ ихъ новой политикой промышленныхъ синдикатовъ (нѣтъ, нѣтъ, не нашихъ рабочихъ синдикатовъ) и въ связи съ этимъ проектами желѣзной дисциплины для рабочихъ, а также съ ихъ всемогущими «рабоче-крестьянскими» комиссарами; и анархистовъ, разбавленныхъ уголовными и бѣлогвардейцами. Несомнѣнно, что рабочіе, волей самой жизни вынуждены теперь попробовать... самихъ себя, то-есть создать чисто-рабочее движеніе. И мы, синдикалисты, должны къ этому приготовиться.

Но для этого намъ надо сорганизоваться. Среди насъ есть и чистые синдикалисты, и синдикалисты правые и лѣвые,—эсъ-эры, меньшевики и коммунисты, и анархо-синдикалисты. Намъ надо сумѣть найти общій свой синдикалистскій языкъ, какъ находимъ мы его на страницахъ «Рабочей Жизни», и, несмотря на свои политическія разногласія, объединиться въ единомъ рабочемъ движеніи.

Только въ одномъ я не вполнѣ согласенъ съ тов. Вальденомъ. По-моему, конференція должна работать не только надъ перечисленными имъ, по-моему, частными вопросами рабочей жизни. По-моему, во главу угла конференціи надо поставить общіе вопросы: 1) классовая борьба въ текущій моментъ; 2) положительныя задачи рабочаго класса въ текущій моментъ; 3) средства для поднятія самодѣятельности и единства рабочаго класса.

Но, какъ бы тамъ ни было, конференція—ваша насущная необходимость.

Б. А.

Союзъ рабочихъ парфюмернаго, мыловареннаго, химико-фармацевтическаго, фруктово-медовареннаго и сходныхъ производствъ.

Къ свѣдѣнію фабрично-заводскихъ комитетовъ и товарищей-рабочихъ

Въ засѣданіи 24/11 апрѣля сего года правленіе союза вынесло постановленіе считать еженедѣльную газету «Рабочая Жизнь» органомъ союза.

Впредь въ газетѣ «Рабочая Жизнь» будутъ помѣщаться всѣ свѣдѣнія о дѣятельности правленія, центральной и мѣстныхъ контрольно-хозяйственныхъ комиссій, конфликтной комиссіи и фабрично-заводскихъ комитетовъ, а также статьи и замѣтки о состояніи химической промышленности и входящихъ въ нее производствъ.

Большое вниманіе будетъ удѣлено вопросамъ охраны труда и экономическаго положенія трудящихся.

Порядокъ снабженія газетой предпріятій, въ которыхъ заняты члены союза указанъ въ особомъ объявленіи, разсылаемомъ на мѣста.

Правленіе.

Всѣмъ фабрично-заводскимъ комитетамъ.

Правленіе профессіональнаго союза рабочихъ парфюмернаго, мыловареннаго, химико-фармацевтическаго, фруктово-медовареннаго и другихъ сходныхъ производствъ доводитъ до свѣдѣнія, что работы передъ праздниками св. Пасхи должно окончить во вторникъ, 30 апрѣля, въ 3 часа дня, а начать 13 мая 1918 года.

Предсѣдатель правленія А. Денисовъ.
Секретарь Кендра.

Противъ карточекъ.

Въ № 9 «Рабочей Жизни» мы сообщали объ избраніи комиссіи по выработкѣ текста ходатайства объ отмѣнѣ московскимъ областнымъ продовольственнымъ комитетомъ карточной системы на отпускъ мыла съ московскихъ фабрикъ. Теперь помѣщаемъ самый текстъ этого ходатайства, выработанный представителями профессіональнаго союза рабочихъ, служащихъ и общества фабрикантовъ и заводчиковъ парфюмернаго производства:

«Въ періодъ переживаемаго упадка промышленности, въ частности мыловаренной, занятыя въ ней группы рабочихъ и служащихъ, а также владѣльцы предпріятій озабочены изыскать мѣры, облегчающія ихъ общее положеніе и первымъ долгомъ остановились на введенныхъ ограниченіяхъ, главнымъ образомъ, на карточной системѣ. Необходимость регулировать положеніе мыловаренной промышленности мы не отрицаемъ, какъ не отрицаемъ въ прин-

но позволяемъ себѣ считать примѣненіе карточекъ преждевременнымъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) За территорію гор. Москвы карточки не распространяются и внѣ Москвы мыло продается свободно, а пока это такъ карточная система не можетъ достичь намѣченной цѣли.

2) Запасы мыла въ Москвѣ въ особенности туалетнаго въ большомъ избыткѣ и мѣстная свободная продажа его можно сказать не отразится на запасахъ, принимая во вниманіе, что предпріятія вынуждены теперь сокращать свое производство и далеко не даютъ того, что могутъ дать.

3) Карточное ограниченіе лишаетъ Москву возможности торговать съ мелкимъ пріѣзжающимъ покупателемъ, а, какъ извѣстно, въ настоящихъ условіяхъ единственнымъ является только ручной способъ вывоза и этотъ способъ для мыла нѣтъ возможности использовать. Между тѣмъ, Москва служитъ центромъ мыловаренія, и провинція, не получая мыла изъ Москвы, хотя бы малыми количествами, можетъ остаться совсѣмъ безъ этого продукта.

4) Пріѣзжій потребитель не имѣя карточку лишенъ возможности пріобрѣсть мыло въ солидномъ магазинѣ, а покупаетъ на рынкѣ по повышенной цѣнѣ.

5) Опасаться спекуляціи при отсутствіи карточекъ нѣтъ основанія, разъ регулируется вывозъ, допускаемый въ каждомъ случаѣ по особому разрѣшенію.

Исходя изъ вышесказанныхъ соображеній, мы, рабочіе, служащіе и заводчики мыловаренной промышленности, переживая острый кризисъ безденежья, вынуждены просить облегчить условія нашей торговли и съ этой цѣлью отмѣнить карточную систему до того времени, пока не явится возможность осуществить эту мѣру въ общегосударственномъ масштабѣ».

Два настроенія.

У однихъ: Мы устраиваемъ союзъ, потому что не можемъ не бороться противъ капитала. Союзъ—это наша активность, организованная для борьбы. Мы не въ силахъ сидѣть сложа руки. Мы не вѣримъ никому, кто хочетъ насъ освободить безъ нашихъ собственныхъ усилій. Мы рвемся на борьбу сами—и потому организуемъ союзъ.

У другихъ: Партія не можетъ захватить подъ свое управленіе весь рабочій классъ. Но для этого есть другой путь—организація профессіональныхъ союзовъ. Нужно сдѣлать ихъ послушными нашимъ директивамъ. Для этого организуемъ ихъ

ла въ рукахъ центра, въ который мы проведемъ своихъ людей. Поэтому на мѣстахъ работа союза должна свестись къ записи въ члены и пріему взносовъ. «Современная крупная промышленность требуетъ централизаціи рабочихъ союзовъ».

Что вамъ больше нравится, товарищи?

Дѣти города.

Видишь? эти блѣдныя ручонки,
Сонные запавшіе глаза,
Рваные штанишки и юбчонки,
На щекѣ застывшая слеза!—

Много ихъ на душныхъ тротуарахъ,
Присмотрись: сейчасъ узнаешь ты
Въ шелухой залущенныхъ бульварахъ
Городомъ взращенные цвѣты.

О, съ какой тоскою злобно-четкой
Всѣ они глядятъ навстрѣчу мнѣ
За стѣной, за пыльной загородкой,
За геранью скучной на окнѣ!

Вотъ малышъ. Чего онъ плачетъ въ мать?
Оттого-ль, что мать его блѣдна?
Что сквозь шумъ гудящаго трамвая
Не слышна лазурная весна?

Что сегодня на прощаньѣ въ школѣ
Говорили долго о лѣсахъ,
О лугахъ росистыхъ и о полѣ,
О рѣкѣ, о синихъ небесахъ?

А. Талинъ.

Кое-что.

1. Примѣта.

— Скоро ли опять закроются некоммунистическія газеты?

— Не думаю. По крайней мѣрѣ, я не слыхалъ, чтобы коммунисты какой-нибудь новый законъ хотѣли опубликовать.

2. Эсдековскій выводъ изъ Маркса на Украинѣ.

По Марксу, въ деревнѣ должно быть крупное хозяйство. Поэтому, деревенская бѣднота, отдай землю богатымъ крестьянамъ. Не отдашь—нѣмцамъ пожалуюсь.

3. «Партійный».

— Почему ты сдѣлался лѣвымъ эсъ-эромъ?

— А какъ бы я иначе получилъ должность?

4. Полезный совѣтъ.

Держись какихъ угодно взглядовъ, но только такихъ, которые непріемлемы для буржуазіи.

Въ союзѣ фото-работниковъ.

Проведеніе тарифа взбудоражило мирную жизнь эксплоататоровъ-хозяевъ и они противятся тарифу всѣми силами. Электрички въ особенности идутъ противъ праздничнаго отдыха, здѣсь тарифъ, утвержденный комиссаромъ труда, открыто игнорируютъ. Наши труженики не имѣютъ минимума заработной платы, а барыши хозяевъ возросли въ нѣсколько разъ: дюжина карточекъ повысилась въ цѣнѣ въ десять разъ и больше (что стоило 6 р. теперь берутъ по 60—90 р.).

Въ случаяхъ сопротивленія союзъ сумѣетъ справиться съ эксплоататорами прямымъ дѣйствіемъ.

Фото-работники, берите примѣръ съ товарищей парикмахеровъ: они образовали контрольную комиссію, которая обслѣдовала 200 предпріятій и вездѣ пришлось констатировать самую безжалостную

упорствовали, пришлось отстранить, назначивъ контроль надъ производствомъ. Относительно мелкихъ предпріятій, союзъ парикмахеровъ получилъ отношеніе комиссара, что предпріятія, которыя не могутъ, благодаря малочисленности рабочихъ, образовать мѣстную контрольную комиссію, пользуются услугами комиссіи образованной при союзѣ. Оплата труда комиссіи производится изъ отчисленія не свыше 2%, вносимыхъ мелкими предпріятіями въ союзъ.

Товарищи, пригласимъ товарищей парикмахеровъ на засѣданіе правленія. Пусть они насъ научатъ, какъ намъ поставить это дѣло.

Что касается угрозъ хозяевъ, что они закроютъ фотографіи, то это не такъ просто: союзъ уполномоченъ комиссаромъ труда ввести надъ ними рабочій контроль, и въ случаѣ неисполненія тарифа, союзъ приступитъ къ взятію орудій производства въ общее пользованіе трудящихся. Товарищи, сила въ васъ самихъ, будьте настойчивы.

Д. Мухинъ.

Къ оружію, рабочіе!

На улицахъ Москвы всюду расклеены объявленія, призывающія рабочихъ и работницъ, юношей и дѣвушекъ, обучаться стрѣльбѣ изъ пушекъ, пулеметовъ и ружей.

Соціалисты-интернаціоналисты и коммунисты правительственной партіи призываютъ рабочихъ посвящать все свое свободное время военному дѣлу и говорятъ рабочему классу, что онъ только кровью и желѣзомъ» сможетъ завоевать царство соціализма.

Правда ли это?

Правительственные соціалисты, очевидно, забыли всѣ уроки рабочей исторіи, они забыли кровавые іюньскіе дни 48 года и кровавый опытъ парижской коммуны.

Они, очевидно, не знаютъ, что передовые борцы-пролетаріи западной Европы пришли послѣ долгой упорной борьбы, къ убѣжденію, что ни вооруженное возстаніе, ни баррикады не ведутъ къ соціализму.

«Кровью и желѣзомъ» можно лишь завоевать политическую власть въ государствѣ, можно разбить и побѣдить политическаго противника, но это не путь къ соціализму, то-есть къ свободѣ, братству и равенству.

Для завоеванія царства соціализма нужны не пушки, пулеметы и ружья, а совершенно другое оружіе, оружіе это:

— **Трудъ, знаніе, организація и товарищеская дисциплина.**

Только при помощи этого оружія рабочій классъ, добивъ прежде всего въ самомъ себѣ всѣ буржуазныя наклонности, сможетъ внести въ міръ больше свѣта, правды и добра. Только при помощи всеобщаго и мощнаго классоваго союза всѣхъ трудящихся, пролетаріатъ можетъ идти отъ одной побѣды къ другой, неся въ міръ справедливость. Только при помощи труда и знанія рабочіе могутъ сбросить съ себя тяжелый гнетъ нищеты и голода и завоевать благосостояніе и свободу!

Къ этому оружію мы и призываемъ рабочихъ.

Н. Л.

Синдикалисты.

Московскій союзъ революціонно-синдикальной пропаганды, предполагая приступить къ осуществленію ряда организаціонныхъ и культурно-просвѣтительныхъ начинаній, проситъ товарищей, стоящихъ на платформѣ независимаго отъ фракцій революціонно-экономическаго рабочаго движенія, вступать въ связь съ союзомъ. Справки по вторникамъ отъ 5 до 7 час. въ пресненскомъ отдѣленіи редакціи «Рабочей Жизни» (Средн. Прѣсня, Мал. Предтеченскій пер., д. 6/3, кв. 2).

сти насъ къ побѣдѣ.

думать (самому), потому что у него нѣтъ программы.

ковской,—корниловской теоріей террора противъ народа; и эсъ-дековъ, съ ихъ свое-

отрицаемъ, какъ не отрицаемъ въ принципѣ и распредѣленіе мыла по карточкамъ,

директивамъ. Для этого организуемъ ихъ такъ, чтобы вся дѣятельность союза бы-

констатировать самую безжалостную эксплоатацію, многихъ хозяевъ, которые

чей Жизни» (Средн. Прѣсня, Мал. Предтеченскій пер., д. 6/9, кв. 2).

скимъ душкомъ!—отозвался рѣзко Ружмонъ.

— Да, конечно! Такъ же какъ и я. Они умѣютъ вести людей и цѣлесообразно направлять ихъ усилія. Я не думаю, чтобы Марсель составилъ себѣ состояніе. Онъ слишкомъ увлекается политикой. Но за сестру я поручусь вполнѣ.

Въ сдержанномъ голосѣ его Ружмонъ почувствовалъ нотки нѣжности и волненія, задѣвшія революціонера.

Въ молчаніи они спустились къ ротаціонной машинѣ. Не уставая, поглощало чудовище бумагу и снова выталкивало ее.

— Ишь ты, кашалотъ!—засмѣялся Делабордъ.—Уже по неуклюжимъ твоимъ движеніямъ можно судить, что ты перевариваешь лишь грубый матеріалъ. Сравните это съ точнымъ и четкимъ движеніемъ маленькихъ плоскихъ машинъ. Словно черныя бабочки расправляютъ и снова складываютъ крылышки...

Онъ подхватилъ листъ, мягко соскользнувшій съ машины.

— Какъ это напечатано!—ликовалъ издатель.—Каждая буква блещетъ красотой. Каждая имѣетъ свою индивидуальность. И какая мягкая печать—бумага ничуть не тронута...

Наклейщица пріостановила работу и повернула къ нимъ лицо. Двое шаловливыхъ сѣрыхъ глазъ заискрились изъ-подъ полуприщуренныхъ вѣкъ.

— А,—воскликнула она,—такъ это вы, человѣкъ съ бородой! Здорово вы вчера проповѣдывали въ кабачкѣ.

Она разсматривала его съ нескрываемымъ любопытствомъ.

— Не одному работнику,—мелькнуло въ головѣ Ружмона,—помѣшала эта самочка ненавидѣть свои цѣпи. Въ восторгѣ обладанія этого красиваго тѣла онъ забывалъ обо всемъ въ мірѣ.

Ружмонъ презиралъ любовь. Въ особенности любовь легкой побѣды. Онъ былъ индивидуалистомъ и жилъ настоящимъ, не желая быть связаннымъ ничѣмъ и никѣмъ.

— Да, это я проповѣдывалъ вчера,—отвѣтилъ онъ, тѣмъ не менѣе, улыбкой.

— Какъ краснорѣчиво вы говорили! Знаете, однажды я была обвинительницей на судѣ. Такъ вотъ, тамъ выступалъ знаменитый адвокатъ,—но вы говорите ничуть не хуже его. Можно подумать, что вы и сами вѣрите въ правильность всѣхъ этихъ исторій.

— Да, я вѣрю въ нихъ,—подтвердилъ серьезно Ружмонъ,—и пытаюсь увѣрить другихъ, ради общаго блага.

— Ради общаго блага!—фыркнула она.—Жарко же придется вамъ, когда потянутъ къ расплатѣ совѣтчиковъ. Что касается меня—мнѣ дѣла нѣтъ до этого общаго блага...

Она смолкла при приближеніи Делаборда. Хотя она не боялась его,—все же онъ былъ хозяиномъ. Но видя его улыбку она быстро заговорила вновь.

— Знаете, волненіе въ Жантильи все продолжается. Людей еще не отрыли. Неизвѣстно,—живы ли они. Говорятъ, что одинъ изъ нихъ отзывался на сигналы. Если ихъ вытащатъ, то врядъ ли раньше шести или семи...

И уже, повернувъ къ машинѣ, она добавила:

— Такъ, что если вы захотите вновь проповѣдывать—народа будетъ достаточно.

— Спасибо за сообщенье,—отозвался Ружмонъ,—я непремѣнно буду.

— И я тоже. Ужъ очень любопытно посмотрѣть на нихъ, мертвыхъ или живыхъ.

Отойдя нѣсколько шаговъ, Делабордъ воскликнулъ съ живостью:

— Эту вамъ никогда не сдѣлать революціонеркой!

— Конечно,—презрительно отмахнулся Франсуа,—вѣдь революція не любовная авантюра.

— Ну, она въ этомъ отношеніи не хуже другихъ. Если вы надѣетесь построить революцію на добродѣтели,—сядете въ галошу навѣрняка. Правда, во всѣхъ этихъ дѣлишкахъ на первомъ планѣ женщина, и женщина легкомысленная. Но съ этимъ надо уже считаться...

Ихъ прервалъ разгнѣванный голосъ, раздавшійся рядомъ:

— Ахъ ты дрянь! Негодная бездѣльница! Мерзавка этакая! Ужъ на этотъ разъ тебя навѣрное выставятъ за дверь!

— Въ чемъ дѣло, Деландъ?—вмѣшался хозяинъ.

— Только что я вырвалъ руку этой негодницы изъ машины, гдѣ бы ее раздавило въ лепешку. Еще секунду,—и она бы добилась своего.

— Чего?—спросилъ агитаторъ.

— Обезпеченія за «несчастный» случай!—гнѣвно воскликнулъ Деландъ.—Уже больше недѣли я заподозрилъ ея замыслы. До сихъ поръ она все не рѣшалась... Еще бы,—не сразу пойдешь на такую операцію!

— Ты лжешь... Неправда!—захныкала женщина.

— Неправда?—передразнилъ механикъ.—Неправда? Стоитъ лишь взглянуть на тебя, чтобы знать—правда! Твое лицо выдаетъ это. А движенія? О, они меня никогда не обманутъ! Я знаю, что значитъ быть ловкимъ и неловкимъ. Я знаю, что такое ошибочное движеніе, и что такое сознательная нарочитая ошибка. Погляди-ка мнѣ въ глаза и повтори, что не хотѣла всунуть руку подъ ударъ машины!

Онъ впился въ нее своими сѣро-желтыми глазами. Но женщина не взглянула на него. Она плюнула на землю и завопила:

— Я плюю на тебя. Если бы мы были одни, я бы харкнула въ твою проклятую рожу! Благодари хозяина за то, что пожалѣла слюны на тебя!

Съ недоброжелательнымъ чувствомъ Ружмонъ внимательно слѣдилъ за Деландомъ. Инстинктъ вожака людскихъ толпъ подсказывалъ ему, что механикъ не ошибается. И все же, хотя женщина отталкивала его своей животной хитростью, она вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждала въ немъ жалость. Если любая уловка была законна и понятна, чтобы вырвать подачку богача, тѣмъ болѣе извинительна была въ его глазахъ эта, трагическая по существу, попытка взамѣнъ раздробленной руки получить ничтожную кучку золота.

Онъ вмѣшался въ ожесточенный діалогъ:

— Какъ можете вы при такихъ слабыхъ доказательствахъ выступить съ такимъ страшнымъ обвиненіемъ? Вѣдь у васъ нѣтъ никакихъ фактовъ! Одно только предположеніе!

Деландъ повернулъ къ нему свое худощавое лицо. Его пристальный взоръ, казалось, изучалъ агитатора, словно сложный механизмъ.

— Я знаю ее. А когда я знаю машину или человѣка, я въ состояніи объяснить ихъ движеніе и поведеніе.

— Вы ошибаетесь,—ѣдко отозвался Франсуа.—Конечно, человѣкъ своего рода машина, и каждое его дѣйствіе строго обусловлено. Это такъ. Но правильно это лишь въ принципѣ. На дѣлѣ же мы совершенно не въ состояніи опредѣлить законы движенія человѣческой души. Для того, чтобы претендовать на это, вамъ нужно стоять настолько выше этой женщины въ интеллектуальномъ отношеніи, насколько она выше типографской машины.

— Вовсе нѣтъ. Вы слишкомъ широко хватаете. Я претендую на знаніе всего лишь очень ограниченнаго числа движеній. Въ этихъ предѣлахъ я знаю ее такъ же хорошо, какъ эту машину. Взгляните на нее. И если вы физіономистъ, вы со мной согласитесь.

— Я вовсе не намѣренъ разглядывать ее. Я не могу и не хочу быть судьей ея внѣшности. Случается, что хорошіе люди имѣютъ выраженіе преступниковъ. Искренніе судьи признаютъ это.

Онъ говорилъ съ горячностью. Но въ глубинѣ души убѣждался все больше въ безусловной виновности женщины.

— Совершенно справедливо,—согласился Деландъ,—и я это знаю не хуже другихъ. Но если вы, сударь, вообще умѣете читать характеры, вы въ теченіе восьми дней разгадали бы безусловно, что за существо эта женщина.

Онъ рѣзко пожалъ плечами. Его [illegible] лицо приняло замкнутое выраженіе, и безразличнымъ голосомъ онъ добавилъ:

— Этотъ вопросъ рѣшитъ господинъ Делабордъ.—Я сказалъ все, что нужно и умываю руки.

Онъ подскочилъ къ ближайшей машинѣ и уже возился надъ какой-то гайкой.

Делабордъ обратился къ женщинѣ:

— Вы слышали, Элиза? Вы остаетесь, но за вами будутъ слѣдить, и я не совѣтую вамъ вновь попасть подъ машину. Это теперь ни къ чему не приведетъ.

Они направились въ брошюровочное отдѣленіе. Послѣ непрерывнаго гула и грохота машинъ и неустаннаго раздражающаго мельканія желѣзныхъ частей,—видъ этого ряда женщинъ, затопленныхъ потоками свѣта, склоненныхъ надъ легко шуршащими листами съ четкой художественной печатью—казался чѣмъ-то удивительно мирнымъ и идилличнымъ. Даже пошленькій мотивъ хоровой пѣсни:

О, какъ вы красивы,
Мой свѣтлый ангелъ.

звучалъ какъ-то нѣжно и трогательно послѣ того суроваго желѣзнаго царства.

Легкимъ наклономъ головы отвѣтила Христина на привѣтствіе обоихъ мужчинъ.

— Г-жа Деландъ,—сказалъ Делабордъ,—я долженъ вамъ сдѣлать замѣчаніе. И, къ сожалѣнію, вамъ одной—вы слишкомъ усердно работаете! Такъ нетрудно вовсе переутомиться.

— О, нѣтъ—отозвалась она.—Когда я устаю,—я отдыхаю.

И добавила съ легкой улыбкой:

— Я отдыхаю съ чистой совѣстью. Ибо знаю, что это мое право, пожалуй я мой долгъ.

— Это вовсе не вашъ долгъ,—прервалъ ее Ружмонъ раздраженно,—вы злоупотребляете и вашимъ исключительнымъ здоровьемъ и вашей способностью. Вы устанавливаете совершенно непосильный для другихъ рекордъ въ работѣ, что, конечно, не преминутъ использовать господа предприниматели.

Она поверн[illegible] къ нему свое сильное и рѣшительн[illegible]

— Знаете, къ чему привели бы на практикѣ ваши теоріи? Къ полному вырожденію человѣчества. Это были бы такія несчастныя дряблыя безвольныя существа! По-моему же,—каждому по его способностямъ! Если понадобится—да, поддержимъ слабаго. Но пусть сильный никогда не дѣйствуетъ, какъ слабый!

Къ тому же,—добавила она съ гордостью,—я работаю поштучно, а не поденно. Въ этомъ, по-моему, самая правильная оцѣнка труда. Только такъ можетъ проявиться и должнымъ образомъ оцѣниться индивидуальность работника.

— Вы упускаете изъ виду все возрастающее господство машины. Она творитъ работу. Человѣкъ же все болѣе становится лишь механизмомъ, регулирующимъ и контролирующимъ ея ходъ.

— Я этого не упускаю вовсе изъ вида. Но человѣкъ за машиной—несчастный поденщикъ. Для разума и энергіи всегда найдется индивидуальный трудъ!

— Ну, знаете, на одно мѣсто, гдѣ требуется личная иниціатива, приходится тысяча мѣстъ механическаго труда. Машина неизбѣжно приведетъ къ этому равенству, которое васъ такъ пугаетъ.

— Неправда!

Отпоръ, на который натолкнулся социалистъ, видимо сильно радовалъ Делаборда...

Въ наборной они остановились у линотипа, на которомъ выстукивалъ человѣкъ въ очкахъ.

— Эта машина меня просто раздражаетъ,—сказалъ типографъ,—въ ней что-то низкое, некрасивое. Нѣтъ, я горячій сторонникъ ручной работы.

— Послушайте, Верье,—обратился онъ къ маленькому человѣчку съ краснымъ носомъ и блуждающими глазами,—да вы опять пьяны!

Мигая воспаленными глазами, Верье отвѣтилъ беззаботно:

— Да, я только что пропустилъ стакашку!

— Ахъ, Верье, вы падаете все ниже и ниже. Очнитесь же! Вы кончите плохо, очень плохо! Несчастной развалиной вы будете влачить существованіе. Отъ одного госпиталя къ другому! Вы кончите, анатомическимъ театромъ, Верье! Мнѣ искренно жаль васъ.

Онъ дергалъ нервно бороду. Полныя щеки его дрожали, и въ глазахъ свѣтилось искреннее сочувствіе.

— Я бы сейчасъ же отдалъ тысячу франковъ, чтобы вылечить васъ. Вѣдь восемнадцать лѣтъ мы работали сообща! Какимъ дивнымъ типографомъ были вы! Какимъ артистомъ своего дѣла! Артистомъ по крови, по рожденію! А теперь? Вѣдь вы и половины вашего жалованья не стоите...

Пьяница уставился въ него, нелѣпо мигая глазами.

— Мало того, что вы пьете дома. Вы и сюда ухитряетесь протаскивать бутылки... Вы отрицаете? Идетъ на пари—я выплачу мастерской двойной заработокъ, если здѣсь не найдется бутылки абсента?

— Здѣсь ничего нѣтъ, клянусь головой!

— Посмотримъ!

Опытной рукой порылся Делабордъ въ ящикахъ и вытащилъ наполовину опорожненную бутылку.

— А это что?

— Чортъ подери! Я ничего понять не могу. Откуда, право эта бутылка?—и типографъ задумчиво закрутилъ головой и растопырилъ дрожащія руки.

— Ну, не я же принесъ ее!

— Да, да. Но кто же могъ это сдѣлать?

Делабордъ вспылилъ было, но гнѣвъ его сейчасъ же перешелъ въ глубокую жалость.

— Несчастный,—произнесъ онъ.

Возвращаясь, онъ обратился къ агитатору:

— Ну, скажите, что можетъ соціализмъ сдѣлать для подобныхъ несчастныхъ?

— Капитализмъ породилъ массовый алкоголизмъ. Съ его паденіемъ измѣнится и это,—коротко отозвался Франсуа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель: Группа работниковъ пролетарскихъ организацій.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путинковскій пер., д. 3.

Редакторы Н. Преферансовъ.